

Верховный цензор сказал:

— Когда мы входили в город, то встретили одного человека по имени У Вэй. Он раньше служил в уездной управе. Неужели уездный начальник Доу его не помнит? После наводнения управа не только не оказала помощь У Вэю и другим беженцам, но и активно выгоняла их из города. Правда ли это?

Тот регистратор внезапно сделал несколько шагов вперёд, с грохотом упал на колени перед верховным цензором и сказал:

— Ваша светлость, будьте разумны! У Вэй — человек с волчьим сердцем, ему нельзя слепо доверять!

Доу Жусун закрыл глаза и с горькой усмешкой произнёс:

— Я и не знал, что минутная слабость сердца обернётся таким результатом.

Пэй Чоу перевёл взгляд с регистратора Ли на Доу Жусуна и обратно, затем сказал:

— Уездный начальник Доу, если вам есть что сказать, говорите прямо.

Доу Жусун сказал:

— Тот У Вэй был самым способным следователем в управе, он помог мне раскрыть множество дел, и больших, и малых. Примерно полгода назад банда разбойников, неизвестно откуда взявшаяся, воспользовавшись моим отсутствием, ворвалась в задние покои управы и разграбила всё имущество. Когда они уходили, регистратор Ли как раз случайно их увидел. Он заметил, что один из них выглядит знакомо, и тайно последовал за ними. Каково же было его удивление, когда разбойник пришёл к У Вэю! Послушав некоторое время, он узнал, что этот человек — сын У Вэя, У Чуань!

— Как же так вышло, что обычные разбойники вдруг осмелились ограбить уездную управу, да ещё и так легко, будто шли по пустынной земле? Видимо, отец и сын У действовали заодно, изнутри и снаружи, чтобы совершить это злодеяние и завладеть деньгами.

— Я немедленно арестовал У Вэя и приказал ему выдать местонахождение логова разбойников. Но У Вэй, защищая своего сына, не произнёс ни слова. Учтывая его многолетние труды на благо Цзянчэна, я лишь приказал подвергнуть его палочным ударам, после чего отпустил. С тех пор он пропал без вести. Я и думать забыл о нём, но после наводнения в Цзянчэне он откуда-то появился, приведя с собой кучку людей, выдающих себя за беженцев. Они то и дело устраивали беспорядки, а несколько раз даже пробирались в задние покои управы, покушаясь на казённое серебро для помощи пострадавшим! К счастью, я заранее предвидел это и заранее увеличил охрану в несколько раз, поэтому им не удалось добиться своего.

— Я посылал людей искать следы У Вэя по всему городу, но каждый раз ему удавалось ускользнуть...

Пэй Чоу не выдержал и перебил его:

— Осмелюсь спросить, ваша светлость, почему до сих пор не восстановлены жилища людей и не роздано зерно беженцам, ведь из Ханьцина в Цзянчэн уже доставлено более 1 000 янов серебра для помощи?

Доу Жусун же с изумлением воскликнул:

— Ваша светлость, вы, наверное, ошиблись? До сих пор я получил только двести лянов серебра для помощи. И как только эти средства поступили, я немедленно обменял их на зерно и раздал. Однако торговцы зерном из окрестных уездов взвинтили цены, стоимость риса стала в три раза выше обычной. Эти двести лянов — капля в море, половина уже израсходована.

— Двести лянов? — нахмурил брови верховный цензор. — Уездный начальник Доу уверен, что было только двести?

Спустя мгновение оба, изучая бухгалтерские книги управы, погрузились в мрачные мысли.

С момента наводнения в земли Цзянчэна действительно поступило только двести лянов помощи.

Доу Жусун мрачно произнёс:

— Судя по словам двух ваших светлостей, из Ханьцзина в Цзянчэн в общей сложности было отправлено три партии денег и продовольствия, но до моих рук дошла лишь эта часть. Видимо, в тайне кто-то злоумышляет, желая смерти жителям моего Цзянчэна!

Его вид, полный отчаяния и самоуничужения, на первый взгляд действительно напоминал заботливого родителя-чиновника, любящего свой народ.

Верховный цензор и Пэй Чоу, посоветовавшись, спросили:

— Осмелимся спросить, сколько зерна сейчас осталось в казнохранилище?

Регистратор Ли подсчитал:

— Примерно двести даней.

Верховный цензор сказал:

— Прошу вашу светлость сначала распределить оставшееся зерно среди горожан пропорционально, а затем мобилизовать рабочих для отправки к большой дамбе Цзянчэна.

Доу Жусун удивился:

— К большой дамбе Цзянчэна?

Пэй Чоу, закрывая бухгалтерскую книгу и возвращая её на полку, острым взглядом заметил на обрете книги небольшое чернильное пятнышко, ещё совсем свежее.

Его взгляд стал глубже. Он сказал:

— Чтобы лечить болезнь, нужно устранить её корень. Причина большого наводнения в Цзянчэне — разрушение дамбы в верхнем течении. Только воспользовавшись тем, что уровень воды сейчас немного спал, и ускорив восстановление дамбы, мы сможем защитить Цзянчэн до наступления следующего сезона дождей.

Увидев растерянное выражение лица Доу Жусуна, Пэй Чоу понизил голос:

— Прошло уже больше месяца с начала наводнения в Цзянчэне. Неужели ваша светлость ни

разу не ездил осматривать верхнее течение?

Лицо Доу Жусуна застыло, он несколько раз кашлянул, приказал регистратору Ли действовать согласно только что услышанному, а затем, сославшись на служебные дела, удалился.

Верховный цензор, дождавшись, когда тот уйдёт подальше, с силой тряхнул рукавом и в гневе воскликнул:

— Вот же тупой чиновник!

Но Пэй Чоу тихо произнёс:

— Нет, он очень хитер. Просто вся его хитрость направлена в другое русло. Ваша светлость, взгляните на эти бухгалтерские книги. — Он указал на чернильное пятно. — Записи в книгах все старые, выглядят так, будто сделаны давно. Только это пятно на обресе ещё совсем свежее.

Верховный цензор подумал и сказал:

— Ты хочешь сказать, что они подделали книги? Но почерк записей не выглядит новым, а одно лишь свежее пятнышко — что оно может доказать?

Пэй Чоу ответил:

— Эти книги фиксируют все официальные финансовые операции между Цзянчэном и Ханьцином за последний год. После года использования и записей, даже если использовать одинаковые чернила и тушь, а записи вести одним и тем же человеком, как может степень износа и новизна бумаги быть настолько одинаковой?

Верховный цензор взял книги и пролистал. Действительно, от почерка до толщины бумаги — всё было слишком единообразно.

Любой, кто долго имел дело с книгами, знает: если книга долго используется, страницы в начале изнашиваются сильнее, к концу износ меньше, а страницы выглядят новее.

Часто отсутствие ошибок — самая большая ошибка.

— Конечно, всё это лишь мои предположения. Чтобы понять, как всё было на самом деле, нужно копать глубже.

— А как ты относишься к его рассказу об У Вэе? — спросил верховный цензор. — После стольких дней общения мне кажется, что У Вэй не такой уж злодей.

Пэй Чоу открыл новое дело и спокойно сказал:

— Я верю только своим глазам. Не видя полной картины, не смею делать поспешных выводов.

Верховный цензор улыбнулся.

Немного обсудив, они решили, что верховный цензор пойдёт поговорить с Доу Жусуном, а Пэй Чоу, избегая главных ворот, перелез через стену и покинул уездную управу.

Когда стражники добрались до старого храма, он снова обыскал всё строение, но Иньсинь нигде не было. Судя по виду стражников, она не попалась и им в руки.

Пэй Чоу помнил, что у Иньсинь в кармане всегда было несколько конфет, которые она даже во сне сжимала в ручонке.

Он по памяти направился к лавке со сладостями, которую видел раньше.

Так называемая лавка со сладостями на самом деле была придорожным лотком, продававшим сладкие напитки, давно уже пришедшим в упадок. Вывеска валялась на земле, а на прилавке стояло несколько банок со сладостями, все до краёв наполненные дождевой водой.

Подойдя ближе, Пэй Чоу услышал лёгкий шорох. Он замедлил шаги, совершенно бесшумно обойдя лоток сзади.

Пространство под этим прилавком было крошечным, но как раз достаточным, чтобы вместить маленького ребёнка.

Иньсинь сидела в щели под столешницей, выковыривая и съедая застывшие кусочки сахара со дна. Личико всё перепачкалось сладким сиропом, как у маленькой чумазой кошечки.

Пэй Чоу, не зная, то ли плакать, то ли смеяться, с облегчением вздохнул.

Иньсинь, услышав звук, настороженно обернулась и, увидев Пэй Чоу, с криком «а-у!» бросилась к нему, ухватилась за одежду и начала усиленно карабкаться вверх.

— Братец, возьми на ручки! Братец, возьми на ручки!

Пэй Чоу, весь перепачканный сладким сиропом с её рук, просто сдался и поднял её. Затем вытащил платок и начал вытирать ей лицо.

— Иньсинь, почему ты ушла, не предупредив? Папа, мама и брат искали тебя так долго, все очень волновались. В следующий раз так не делай, поняла?

Иньсинь надула губки и обиженно сказала:

— В следующий раз не буду...

Затем её глазки заблестели, и она добавила:

— Но братец же обещал поиграть со мной! Утром я братца не видела, в обед тоже не видела, вот мне и пришлось самой искать братца.

— Ладно, ладно, это братец виноват. В следующий раз, когда буду уходить, обязательно тебе скажу, хорошо?

Пэй Чоу не удержался и ущипнул её за щёчку.

— Давай сначала найдём твоего папу и остальных. Они, наверное, уже сильно забеспокоились, раз ты так долго не возвращалась.

Пэй Чоу, следуя меткам, оставленным У Вэем на стенах и углах улиц, до наступления темноты нашёл всех в погребе заброшенного трактира.

Мать Иньсинь со слезами на глазах уложила девочку отдыхать. Пэй Чоу и У Вэй вышли из погреба. Пэй Чоу объяснил, кто он и верховный цензор, а также рассказал о текущей ситуации.

У Вэй не удивился и ещё раз поблагодарил его за то, что нашёл Иньсинь.

Вдруг Пэй Чоу спросил:

— Брат У, у Иньсинь ведь есть ещё и старший брат?

У Вэй опешил, затем сообразил:

— Иньсинь тебе рассказала? Да, у меня действительно есть сын. Но он негодник! В молодые годы не захотел учиться хорошему, пошёл с разбойниками. Я несколько раз его уговаривал, но этот негодяй и слушать не хочет о возвращении! Я давно считаю его мёртвым!

Пэй Чоу, видя его волнение, поспешил похлопать по спине, чтобы успокоить.

— Извини, что стал свидетелем этого.

<http://bllate.org/book/15464/1368207>